

Довольно скоро я напишу для тебя музыку.

Джон Кейдж.

Избранные письма Джона Кейджа

КНИГА СЮЗАННЫ

Девушка просыпается в кровати своей сестры.

— Лаура! — окликает она; никто не отзывается.

Ну да, ей не следовало бы находиться здесь. А той, кому следовало, — ее нет.

Девушку зовут Сюзанна. Она долговязая, ужасно долговязая, и ей снятся плохие сны. Разве сны не должны утешать? Исцелять? Разве во сне не полагается видеть то, что хочешь увидеть всей душой? Но нет — и во сне они тоже необъяснимо отсутствуют.

Простыни наполовину сползли с кровати, как будто их нарочно стащили. Еще не утро. Еще только середина ночи. И все не на месте, хотя на самом деле все на месте. Ее мама, Рут, еще не пришла домой. Все эти младенцы из реанимации, с их сложными медицинскими проблемами, с их диатезными попками и трубочками для питания, залитые ультрафиолетовым светом, и родители, полулежащие в облезлых дерматиновых креслах, и медсестры, шепчущиеся по углам о том, что надо бы создать профсоюз, и о мужьях, телешоу и собственных детях... Умолкают ли они, когда Сюзаннина мама проходит мимо?

— Как же мне все это надоело! — говорит девушка луне в окошке, потому что больше ей поговорить не с кем. — Ничего не знать. Быть в темноте. Быть одной в темноте. Вот тебе это не надоедает, а?

Луна полная. Вот это что-нибудь доказывает или нет? Бывает же так, что-нибудь исчезает, а потом берет и возвращается? Прошло одиннадцать месяцев с тех пор, как случилось то, что случилось, и Сюзанна понимает, что Лаура не вернется. А если

бы она вернулась, она бы сказала: «Сюзанна, какого черта ты валяешься на моей постели? Господи, ну что это такое?»

Сюзанна буквально слышит, как Лаура это произносит. Она встает и заправляет постель так, как заправила бы ее Лаура, — Лауры ведь нет, и некому все делать так, как сделала бы Лаура. Некому не давать Сюзанне делать то, чего делать не следует. Все плюшевые игрушки Лауры раскиданы по полу. И небесно-голубая сова, и панголин в клетчатом платице. Лауру все любили больше всех. Всем ее не хватает. А у потрепанной собачки с заплаткой на месте потерявшегося глаза-пуговицы было свое секретное имя. Лаура так и не сказала Сюзанне, как же ее зовут. Как-нибудь по-дурацки наверняка. Хорошее-то имя кто же станет держать в секрете? Ну и вот, теперь его никто не знает, кроме собачки.

Сюзанна берет Лаурины вещи — и снова кладет на место. Лауры нет, некому ей сказать, чтобы она перестала. Поэтому Сюзанна мысленно представляет себе Лауру. Ты не переживай, Лаура. Разложить все мелочи по местам проще простого. На пыльных полках остаются кружочки и пятнышки, сразу видно, где что стояло и лежало. И если Сюзанна расставит все Лаурины вещи точно так, как им положено, все снова станет так, как и должно быть.

Фарфоровая пастушка — это бабушкина. (Сюзанне досталось серебряное колечко с крохотными жемчужинками. Жемчужинки все потерялись, кроме одной.) Фотки Лауры, Сюзанны и их мамы. Фотки Лауры, Сюзанны и Дэниэла на сцене. Лаурины любовные романы, расставленные по алфавиту. Ее любимой писательницей была Кейтлин Хайтауэр. Обложки любовных романов, которые должны намекать, что у красивых людей, которые там изображены, в конце концов обязательно будет секс. Эти люди влюбляются раз и навсегда, и любовь в этих книжках никогда не слабеет и не меняется, а только крепчает и твердеет, и герои застывают в ней, как насекомые в янтаре. И когда эти красивые воображаемые люди трахаются, откуда-то, постепенно нарастая, звучит задумчивая симфоническая музыка («Тема Лары». Селин Дион. Ну, такое). О, как они трахаются! Верхом на лошади. За ковром. В лодке. На холме.

В прошлом. Привет, приятель, кисмет. Все на своем месте. Шутка про «тук-тук». Тук-тук! Кто там? А какая разница? У тебя пиратский корабль / страшная тайна / миллион денег, а у меня крепость / сад за высокой стеной / камень вместо сердца, так что давай потрахаемся. Давай полюбим друг друга. Ну конечно. А почему бы и нет.

Так много романов о том, как найти свою любовь, так мало романов о том, как найти по-настоящему хорошую, интересную работу. Не то чтобы Сюзанна читала книжки. Книжек она особо не читала. Книжки — это для тех, кто поступит в колледж. А для нее мамочка то и дело оставляет на кухонном столе буклеты всяких муниципальных училищ. Сюзанна их выкидывает в помойку.

Узкие полоски пыли в том месте, где корешки соприкасаются с полкой.

Что любила Лаура: любовные романы. Конфетки «Милк дадс». Сюзанну — иногда. Музыку.

Лаура могла заставить свою гитару говорить. Гитара говорила о том, что Лаура чувствовала. Ах, я так счастлива! А ты счастлива? Я счастлива. Тук-тук! Уходи, Сюзанна. Я хочу спать. Я такая сонная! Ты счастлива? Мне так страшно! Мне так грустно! Мне так грустно...

Лаурина кровать, Лаурин шкаф, Лаурины шмотки в ящиках и за дверцами шкафа. Теперь Сюзанна может их брать, и Лаура ничего не скажет. Тук-тук! Кто там? Милая сестрица, это я. Твоя сестра. Я здесь, а тебя нет. Можно взять твой красный свитер? О'кей. Конечно.

Почему бы и нет.

В нефритовой кружке на подоконнике лежат медиаторы и китайские предсказания. («Ты прекрасна и загадочна для всех, кто тебя знает».) / («Не бойся перемен».) / («Все двери будут открыты для тебя».) Банальности и вранье!

Сюзанна стоит у Лауринога окна. Через газон — дом Дэниэла, желтый прямоугольник его окна, в комнате Дэниэла горит свет. Его мама тоже сидит там, когда не может уснуть?

Сюзанна берет старую гитару сестры — акустическую «Хармони Соверен Марвелтоун», — проводит рукой по грифу.

— Лаура! — зовет Сюзанна. — Вернись! Вернись немедленно, а то я прямо не знаю что сделаю. Вернись, ты мне нужна!

Она ждет ответа. Ответа нет. Как это похоже на Лауру — она всегда любила отмалчиваться. «Ах так? — думает Сюзанна. — Ну раз ты так, тогда и я так!» Она же так старалась быть хорошей эти несколько месяцев. И что, хоть кто-нибудь это заметил? Был бы Дэниэл, он бы заметил, да. Мо тоже заметил бы, хотя ничего бы и не сказал. И, блядь, Сюзанна практически уверена, что и Лаура бы заметила!

Был бы Дэниэл, он бы помог ей разобраться, как теперь жить без Лауры. Была бы Лаура, они бы с Сюзанной тоже придумали, как жить без Дэниэла. Но осталась одна Сюзанна. И всегда будет одна только Сюзанна, а это значит, что Сюзанна не может быть Сюзанной. Она не понимает как.

«Хармони», «Гармония» — это первая Лаурина гитара. Ее бывший хозяин был небрежен и как-то раз оставил ее на ночь у батареи. Это был их папа — еще один человек, которого нет. Если бы гитара имела какую-то ценность, он бы забрал ее с собой, когда уходил. Так ведь? Сюзанна поднимает «Гармонию» над головой и изо всех сил лупит об угол Лаурино стола. Этого оказывается недостаточно, и она все лупит и лупит, пока не разбивает в щепки все, что может. От последнего удара кусок грифа отлетает в окно, отскакивает и спшибает на стол нефритовую кружку. Медиаторы разлетаются во все стороны, ручка откалывается у самого края. Ну и бардак! Когда Сюзанна делает шаг по ковру, чтобы подобрать кружку, она чувствует боль в ступне, как будто наступила на что-то острое. Она садится на Лаурину кровать и осматривает ногу. Ага, вот оно — это щепка. Пусть так и торчит. Как напоминание о ее грехах.

Что она чувствует? Немного саднит там, где сидит заноза. Не из-за чего плакать. Она и не станет.

Сюзанна опускается на четвереньки, собирает все обломки гитары и прячет их в Лаурин шкаф. Кружку она ставит обратно на подоконник и поворачивает так, чтобы трещины на том месте, где должна быть ручка, было не видно.

Ну и чего она добилась? Ну, возможно, Лаура ощутила легкий укол утраты там, где она находится — где бы это ни было. «В следующий раз, — думает Сюзанна, — возьму и пожертвую

все твои романы Кейтлин Хайтауэр благотворительной организации! И выкину в помойку твой шампунь „Бедхед“ и ту дорожную штуку для лица, которая воняет прокисшим имбирным лимонадом, хотя ты всегда притворялась, что она тебе нравится! Я возьму и смирюсь с тем фактом, что ты исчезла навсегда! Пропади ты пропадом! Зачем ты умерла или что там с тобой случилось? Ну и подумаешь, хочешь молчать — молчи! А мне насрать!»

Сюзанна может спуститься вниз и врубить телик. Может разорвать в клочья панголина. Кокнуть пастушку. Пойти в ванную и полить водой саднящее место, куда впилась заноза. Но вместо этого она ложится на Лаурину кровать и укрывается с головой. Она проснется, когда мама придет домой; нет, надо проснуться прежде, чем Рут придет домой, а то вдруг Рут заглянет в комнату к Лауре и подумает, что это Лаура вернулась?! А вдруг она заглянет в комнату к Сюзанне и подумает, что Сюзанна пропала?!

Лаура всегда, до того момента, как исчезла, была хорошей девочкой, а Сюзанна — полной ее противоположностью. А теперь Лаура пропала, и Сюзанне пришлось взять на себя обе роли. Она по-прежнему неудачница и растяпа, которую не возьмут в колледж, но ей теперь приходится быть еще и хорошей девочкой, которая моет посуду и предупреждает маму, что она уходит и когда вернется. Она подбрасывает денег на продукты и старается, чтобы мама не чувствовала себя еще более несчастной, когда она и так несчастна. Она так хорошо себя вела! Если повалиться еще немного на Лауриной кровати, Сюзанна сумеет вобрать в себя побольше всего того, что делало Лауру хорошей сестрой. Но быть хорошей так утомительно! Грустить — это так выматывает! Надо бы сделать фитнес-браслет, который будет измерять хорошесть. И печаль. Чтобы в конце дня посмотреть на запястье и увидеть, сильно ли ты грустила. А завтра ты будешь еще печальнее! Она полежит тут еще немножко, полежит и погрустит. А потом пойдет к себе.

И что же ей снится, когда она засыпает? Сюзанне снится, будто она стоит у двери. И не может сообразить, как ее открыть. Дверь никак не открывается. А потом открывается. Ветер со-

рвал ее с задвижки, и она распахивается и хлопает, распахивается и хлопает, тук-тук. Кто там? Тук-тук!

(«Все двери будут открыты для тебя».)

Глаза Сюзанны распахиваются, как двери, но на самом деле она все еще спит. Панголин тычется мягким носом в ее мокрую щеку. Сюзанна, не просыпаясь, выходит из Лауриной комнаты (открыть дверь, закрыть дверь, но это не та дверь!), возвращается к себе (открыть дверь, закрыть дверь, но и это не та дверь, не та, что во сне!) и ложится на собственную кровать. В ступне у нее заноза. То, чего там быть не должно, а оно есть. Сюзанна накрывается с головой, в третий раз за ночь, и продолжает спать, а в это время большие и маленькие обломки разбитой гитары в Лаурином шкафу принимают собираться обратно в гитару. Тук-тук! Гитарный гриф стучается в дверцу шкафа, и гитарные струны со звоном натягиваются заново, и дверца распахивается.

Потерявшийся медиатор вылетает из-под Лауриной кровати и плюхается в нефритовую кружку, звякая о треснутый край. «Гармония» прислоняется к стене, целая и невредимая. Но ручка у кружки по-прежнему отбита.

КНИГА ЛАУРЫ

Их было трое. Где они были? Где-то, где им быть не следовало. И выбраться не могли. А когда они нашли выход, за ними увязался кто-то еще. Еще некто выбрался вместе с ними.

Что-то случилось. Случилось с ними. Но что? Что-то, чего не должно было случиться. Они умерли? Они мертвы? Да нет, они не мертвы, это точно. Но если они мертвы, тогда что это было за место? Откуда нельзя выбраться? Ужасное место. Иногда они были вместе, иногда врозь. Быть вместе не утешало, но разлучаться было хуже. Иногда каждый из них оказывался по-одиночке, и вот это было хуже всего. Ну а теперь? Их было трое, тут вопросов нет, а теперь их оказалось четверо.

Они были в кошмарном месте. Размытое, разреженное, холодное ничто — ну как это описать? Потом кто-то из них сказал: «Кажется, я припоминаю много-много деревьев. И грязную тропу. И поляну, на которой кто-то был». Еще кто-то сказал, что единственный способ это описать — как будто ты муравей, попавший в мороженицу с единственным вкусом: прокисшего молока и бессонницы, загоняющей грязные иголки неудачи под заусенцы бесконечной досадливой ночи. Это было, конечно, очень поэтично и, возможно, даже близко к теме, но полной картины все равно не давало. Seriously, кто там не был — не поймет.

Они были взаперти. Потом извне просочилась теплота, слабая дрожь, как если бы там, за дверью, прошел некто, кем ты когда-то умел быть, и хотя дверь была закрыта и заперта, они навалились и толкали изо всех сил, пока не показалась крохот-

ная щелочка — какие мелкие швы, чья только рука это делала? И кто навесил эту дверь на петли? — но они и сами к тому времени сделались тоненькими-тонюсенькими и выскользнули в эту щелочку, один за другим. И еще один. Кто?

Теперь их стало четверо. Это была первая из загадок.

Вторая загадка — то, где они очутились. Они сперва были в этом другом месте. А потом как-то потянулись, вытянулись — и оказались в музыкальном классе мистера Анабина в средней школе имени Льюиса Латимера. Они поняли, что это его класс, потому что там стоял кабинетный рояль мистера Анабина. И на стене напротив висел постер с Хильдегардой Бингенской. А на стене позади них — постер с *De La Soul*. («Четыре — волшебное число».) За окнами царила тьма, сам мистер Анабин играл на рояле минорную гамму.

Увидев их, мистер Анабин закрыл рояль и опустил руки на колени.

— Та-ак! — сказал он. Человеческий голос в человеческом пространстве звучал жутко и непривычно. — Что-то в этом духе я и подозревал.

Ни один из четверых не двинулся с места. Спутанные воедино, они занимали меньше места, чем один или двое из них в своем нормальном состоянии. Сквозь смутные очертания их собственных конечностей им виден был потрескавшийся линолеум.

Мистер Анабин приближался медленно-медленно, так, будто он мог их спугнуть, и тогда они улетят в замочную скважину, или в окно, или в трещину на потолке. Он долго стоял, вглядываясь, и наконец сказал:

— Лаура! Лаура Хэнд!

И сделал этокое движение пальцами. И перед ним оказалась Лаура Хэнд (всего лишь год назад более чем уверенная в том, какое место она занимает в мире) — растерянная и одновременно куда менее и куда более чувствующая себя собою самой, чем в течение долгого времени до того. Ее спутники вились вокруг нее крохотным смерчем, точно поднятая сквозняком пыль.

— Мохаммед Горч! — Мистер Анабин снова шевельнул пальцами.

И перед ним предстал Мо Горч, который учился на класс младше Лауры с Дэниэлом, но тем не менее ходил с Лаурой на математику третьего уровня и на историю по программе колледжа. Он дружил с Сюзанной.

— И Дэниэл Ноу. Ну конечно!

Его пальцы очертили силуэт, и перед ними очутился Дэниэл, который был так дорог Лауре. Они с Сюзанной и Дэниэл вместе играли в группе *My Two Hands Both Knowe You*.

Лаура ущипнула себя за руку. Она снова была собой: прочная архитектура грудной клетки, мясистое сердце с четырьмя камерами, с клапанами, которые открываются и закрываются, открываются и закрываются, точно двери, и кровь торопливо бежит по сосудам, и красное пятнышко проступает на том месте, где она ущипнула. И все же чего-то не доставало.

Разве нет?

— А где Сюзанна? — Лаура огляделась в поисках сестры. — Сюзанна! Что ты натворила?

Потому что, если что-то не так, это всегда Сюзанниних рук дело. Разве нет?

Но Сюзанны не было.

Лауре казалось, что со всем ее телом что-то не так. Она чувствовала себя какой-то расплющенной и размазанной, словно кусок пластилина в горячей ладошке, и в то же время она себя чувствовала этой ладошкой. «Может, мне дали какое-то экспериментальное лекарство?»

— Я ненадолго присяду, ладно? — сказал Мо. И вместо того чтобы сесть на один из стульев, он опустился прямо на пол, где стоял, и уронил голову на руки.

Дэниэл сказал:

— Кто-то карандаш потерял.

Он потянулся к потолку и вытащил карандаш, застрявший в потолочной плитке. (Сколько времени он там торчал? Кто его знает?) Да, Дэниэл был очень высокий. А карандаш очень короткий. Конец у него был обгрызен.

Лаура протянула руку, взяла карандаш у Дэниэла и бросила на пол.

— Не трогай, — сказала она. — Он никому не нужен.

— Все это время происходило что-то ужасно странное, — сказал Мо.

— Ага, — кивнула Лаура. — Но теперь все в порядке. Так ведь?

Мо поднял голову и посмотрел на нее. Лаура протянула руку, и Мо взял ее в свою, удивительно теплую и крепкую. Она подняла его на ноги. Однажды на математике он одолжил ей лист миллиметровки.

Убедившись, что они все вместе и снова вернулись в мир, они наконец посмотрели на мистера Анабина. В конце концов, это был его музыкальный класс.

Мистер Анабин был мужчина средних лет, смугловатый и длинноватый. С ужасной осанкой. Его жесткие волосы были коротко подстрижены и слегка тронуты сединой. Руки у него были изящные, выразительные. Ухоженные ногти. Пальцы длинные, но не слишком. Сразу видно: руки учителя музыки. В прошлом году родительский комитет собрал достаточно денег, чтобы школа могла предлагать хор и оркестр в качестве элективных курсов. Так и появился мистер Анабин. Во время школьных концертов он аккомпанировал на рояле. Выбирал и руководил школьными музыкальными постановками. Время от времени отвечал за тех, кого оставляли после уроков. Не особенно старался стать чьим-то любимым учителем, но при этом был и не из худших. Носил голубые джинсы и футболки с жизнеутверждающими надписями. Только в глазах у него было нечто, отчего ученикам делалось немного не по себе, особенно в сочетании с надписями на футболках. Взгляд у него был какой-то... Насмешливый? Или просто чересчур понимающий? В общем, со временем ты привыкал в глаза ему не смотреть. Но, с другой стороны, насколько известно, мистер Анабин жил один. Как-то раз Сюзанна сказала Лауре, что иногда, во время репетиций оркестра, невольно представляет, как мистер Анабин сортирует белье перед стиркой, разбирая его на белое и цвет-

ное. Потому что ведь никто за него это делать не будет. Как он складывает все эти футболки: «ТВОЯ КРАСОТА НЕПОВТОРИМА», «МЫ МОЖЕМ ТВОРИТЬ ЧУДЕСА, ЕСЛИ ВЕРИМ, ЧТО МЫ ЭТО МОЖЕМ», «СЕГОДНЯ ЛУЧШИЙ ДЕНЬ В ТВОЕЙ ЖИЗНИ, А ЗАВТРА БУДЕТ ЕЩЕ ЛУЧШЕ», «КОГДА ЖИЗНЬ ДАЕТ ТЕБЕ ЛИМОН, СКАЖИ СПАСИБО. ЛИМОНЫ ВКУСНЫЕ И ПОЛЕЗНЫЕ». «Представляешь, какая хуйня депрессивная, если так подумать?» — сказала Сюзанна, а Лаура не поняла, о чем она. Стирка — она стирка и есть. Было бы из-за чего впадать в депрессию.

Мистер Анабин, казалось, не сводил глаз с чего-то за спиной Мо. Лаура посмотрела туда же, куда и он, но никого не увидела. И все же она чувствовала: там кто-то есть.

И тем не менее сказала:

— Все хорошо. Все будет хорошо.

— Почему мы так странно одеты? — спросил Дэниэл.

— Это из мюзикла. «Пока, пташка», — сказал Мо. Он явно был ошеломлен тем, что вообще хоть что-то знает. Лаура с Мо особо не общалась, хотя, конечно, она его знала: ведь его бабушкой была Кейтлин Хайтауэр! У Лауры были все ее романы. Что еще Лаура о нем знала — что Мо гей. И что мама у него умерла. — В прошлом году ставили. Я играл Альберта. На мне костюм Альберта. Я это знаю, потому что был еще и костюмером. А вот почему мы босиком? Разве это не странно? Почему мы без обуви и без носков?

— Я же не играл в «Пока, пташка», — сказал Дэниэл. — Я не мог, из-за тренировок по футболу. Не знаю, почему я босиком. Я вообще понятия не имею, что происходит.

— Похоже, ты играл мойщика посуды в кафе у Моуда, — сказал Мо. — А Лаура играла Розы.

Лаура окинула себя взглядом. Ноги у нее были грязные — и у Дэниэла с Мо тоже, — а одета она была... в короткую юбку-солнце, такую, с аппликацией с пуделем. А она и не заметила...

— С одеждой проблем было меньше всего, — сказал мистер Анабин. — Я просто взял первое, что подвернулось. Помолчите минутку. Тут есть некто, кого я не знаю. Ты кто? Что тебе нужно?

Некто шевельнулся — а может быть, наоборот, раньше он двигался, а теперь застыл на месте. Послышался выдох, вздох, как будто мистер Анабин обращался с вопросом к воздуху, и волосы на затылке у Лауры встали дыбом.

— Ко мне кто-то прикоснулся! — сказал Дэниэл. — Я что-то почувствовал!

Теперь они все это почувствовали. Оно двигалось вокруг них, трепало их дурацкие одежки, заставляло развеяться веселенькую юбочку Лауры. Голубая ленточка, которая была вплетена в Лаурины волосы, хотя до сих пор она этого не замечала, развязалась и принялась летать по классу, пока Мо не поймал ее, когда она пролетала мимо. Мо вернул ленточку Лауре, и Лаура трясущимися руками принялась подвязывать волосы.

Мистер Анабин снова этак шевельнул пальцами, и наконец появился еще один, последний из них. Но только он появился не целиком. Голубые глаза. Рот. Карандаш, который Лаура бросила на пол, поднялся в воздух острием вперед и снова вонзился в потолок.

— Этот конец карандаша так же важен, как и другой его конец, — сказал Мо.

Лаура понятия не имела, о чем он. Теперь она припомнила, что Мо вечно твердил какую-то вроде бессмыслицу.

— Говори! — велел мистер Анабин. — Скажи, как твое имя.

— Ох, — ответил голос, похожий на треск пустой зажигалки, — оно потерялось, давным-давно. Так давно!

— Тогда выбери новое, — сказал мистер Анабин. — Быстро!

— Все имена потерялись, — отвечал голос. — Я не могу их найти.

— Прошу прощения, но как можно было потерять все имена? — сказал Мо. Он указал на один из постеров мистера Анабина. — Я могу придумать сотни имен! Хильдегарда. Вот тебе имя. Арета. Принс. — Он указал на еще один постер. — Боуи.

— Боуи... — повторил голос.

— Значит, будешь Боуи, — сказал мистер Анабин. — Ты уж извини, если выйдет не очень похоже на тебя, но времени в обрез, а от тебя почти ничего не осталось.

Он подул на руки, потер ладони и сделал еще один жест, на этот раз более вычурный.

И перед ними возник последний, четвертый, тоже вернувшийся в мир. На нем была байкерская куртка Конрада Бёрди и белый шарф. Ноги тоже босые и грязные. Лаура была уверена, что никогда в жизни его раньше не встречала. Парень их возраста. Отросшие рыжеватые волосы и бледное лицо, насчет которого Лаура была не уверена. Разве человеческие лица такими бывают? Будто ящик, который случайно задвинули, не заметив, что внутри есть кто-то живой. И глаза разные, как у Дэвида Боуи на стенке.

— Нет, пожалуй, так слишком похоже, — сказал мистер Анабин и повел рукой; оба глаза стали голубые.

— Как это он так, а? — спросила Лаура у Дэниэла с Мо. — Просто взял и создал человека! Он что, и с нами так же?

— Я мог бы наделить каждого из вас шестью парами крыльев, хрустальным сердцем и ядовитыми железами, — сказал мистер Анабин. — Но в этом нет смысла. Вы такие же, какими были. Я создал вас из вас самих, такими, как вы были прежде.

— Понятия не имею, что это значит, — сказал Дэниэл. — Не знаю и знать не хочу. Нам надо идти.

— Что-то случилось, но я не помню что, — сказал Мо. — Помню только, что что-то плохое. Нам всем надо домой, пока не случилось еще что-нибудь плохое. Всё, мистер Анабин, до скорого.

— Нет! — воскликнула Лаура.

Все уставились на нее. Мистер Анабин смотрел терпеливо. С любопытством. На его футболке было написано: «ТЫ ВЫДАЮЩИЙСЯ, ПРОСТО ПОКА НЕ ЗНАЕШЬ, ЧЕМ ИМЕННО».

— В смысле, нет, мы пока не можем уйти, — сказала она. — Мистер Анабин, как мы сюда попали? И что это было за место, то, где мы были раньше?

— Я пошел! — объявил Мо. Как будто бы Лауры тут не было, как будто бы ее желания, ее вопросы не имели значения, были несущественны, как будто бы сама она до сих пор не существовала. — Вы идете? Лаура? Дэниэл? Боуи, который не Боуи?

— Нет! — воскликнула Лаура. И топнула ногой. — Я хочу знать, что случилось! И не уйду, пока не узнаю!

— Поздно уже, — сказал Боуи. — Он здесь.

— Тогда скажите, пусть уйдет, — ответила Лаура. Она даже не стала смотреть, кого имеет в виду Боуи (если не смотреть, то никого и не будет). — Тут и так достаточно народу!

— Мы умерли. — Это Дэниэл. — Вот что с нами случилось. Вот что ты помнишь, Мо. Вот что ты хочешь знать, Лаура. Так ведь? Мы умерли. Мы были мертвы. Чья это собака?

Лаура обернулась посмотреть.

На пороге музыкального класса сидел огромный пес. Может быть, дверь музыкального класса была открыта все это время, хотя Лауре казалось, что она была закрыта (а может быть, ее и вовсе не существовало). Но тогда как же они все сюда попали? Через окно? Или как призрак Кэти Эрншо? И откуда взялся пес? Глядя на него, Лаура поневоле задумалась, а пес ли это. Ее снова охватило это ощущение размазанности, только теперь с ней творилось нечто противоположное: как будто она уменьшалась и растягивалась одновременно. Кожа вдруг сделалась чересчур свободной, а сама Лаура — самая основная ее часть — чересчур крохотной, такой крохотной, что она вдруг испугалась, как бы не вывалиться через рот или через глаз и не исчезнуть вовсе, оставив лишь пустой рукав собственной кожи в крахмальной пене юбочки с пуделем.

Дэниэл сказал нечто, на что ей следовало обратить внимание. Он что-то сказал, как-то пошутил. Смешно? Когда он это сказал, Лауре захотелось рассмеяться, но тут она увидела собаку.

Пес, сидевший в дверном проеме, был белый, с грубой, свалявшейся и торчащей клочьями шерстью, со сладострастно вываленным красным язычком. Уши были распластаны по массивной башке. Пес был так громаден, что класс как будто бы сделался теснее — даже Дэниэл будто уменьшился в его присутствии. Что ж такое сказал Дэниэл?

— Хоро-оший песик, — ласково протянул Мо. — Славный песик! Откуда ты взялся? Какой здоровенный, всратый, жуткий, кошмарный песик. Да. Да, собаченька.

— Это не собаченька, — сказал Дэниэл. — Это волк.

— Это не волк, — возразил Боуи.

Тварь на пороге по очереди смотрела на каждого из говорящих. Потом посмотрела на Лауру, укоризненно и алчно. И наконец перевела взгляд на мистера Анабина.

Мистер Анабин вскинул руку, как будто собирался сделать какой-то жест, который их всех спасет, но вместо этого почесал голову, пожал плечами и сказал:

— Ну, Богомил, добро пожаловать. Не то чтобы тебе очень рады...

Потом мистер Анабин повернулся спиной к открытой двери, глядя вместо нее на окна и ночь за окнами.

Когда мистер Анабин заговорил, тварь на пороге затряслась всем телом. Она разинула пасть и принялась пыхтеть. На глазах у Лауры она начала извиваться так, будто стягивала слишком тесное платье, сгибаясь и вытягиваясь, тихонько и мучительно поскуливая, а потом вдруг на месте этой волкособаки появился человек, стоящий на четвереньках, человек, чей рот был разинут в бездыханном зевке. Рот закрылся. Человек встал, провел ладонями по лицу, потом поднес руки к глазам, чтобы получше разглядеть свои ногти — ногти, по правде сказать, были ужасно грязные. И кисти у него были грязные до самых запястий, как будто бы он ими яму копал на грядке. Одет он был в костюм мэра из «Пока, пташка». И, несмотря на грязь и дурацкий костюм, это был самый красивый мужчина, какого Лаура видела в своей жизни. (Подумала ли она об этом, когда увидела его впервые? Наверно, нет. Она просто не помнила того первого раза, когда его увидела.)

Собакой он был огромен. Но теперь он оказался ненамного выше Лауры. А сколько ему было лет? Ну, он был не то чтобы прямо очень стар. Бывают в мире вещи и постарше. Но все же он был очень старый.

Его босые ноги были в грязи, как и у них. Единственным в музыкальном классе, кто оказался обутым, был мистер Анабин.

— Вы кто? — это Мо.

Но Лаура видела, что на самом деле Мо знает, как и все они.

— Неужто меня так легко забыть? — спросил мужчина. Он говорил довольно тихо — Лауре приходилось напрягаться, что-